

Это было скорее похоже на небольшой сольный концерт, нежели на простое выступление для разогрева публики.

В голосе Чжан Вэйдунa жила сама жизнь — яркая, пронзительная, не позволяющая никому остаться в стороне. Он пел о тоске и смятении странника. Слушатели, погружаясь в его голос, словно оказывались на пустынном ночном шоссе, где вдали мерцал слабый огонек и доносился колокольный звон из далекой церкви. Кто-то стоял у дверей, встречая путников, и никто не знал, что ждет за порогом: ад или рай.

Из глубины коридора доносились голоса, звавшие в отель Калифорния...

Чжан Вэйдун пел не лучше оригинала, но в его исполнении была самобытность и особый привкус.

Когда музыка стихла, в зале воцарилась тишина. Лишь спустя мгновение раздались дружные аплодисменты.

Чжан Вэйдун отложил микрофон, вскинул голову и звонко, с вызовом выкрикнул на путунхуа:

— Я китаец! И я люблю рок!

Даху, словно по уговору, ударил по струнам, барабанщик подхватил ритм, доводя атмосферу до апогея.

Зрители начали скандировать, требуя продолжения:

— Еще! Спой еще!

Реакция была настолько ошеломляющей, что даже музыканты растерялись.

Чжан Вэйдун сделал жест, призывая к тишине. Когда зал притих, он не произнес ни слова. Просто развернулся, сунул микрофон в руки Даху и спрыгнул со сцены. Он вышел не для того, чтобы выступить, а чтобы показать этим парням: не смейте, черт возьми, смотреть на китайцев свысока!

Видя, что он не намерен оказывать никому любезностей, люди замерли, провожая его взглядами до самого выхода из бара.

Вдруг чья-то рука схватила Чжан Вэйдунa за локоть. Он обернулся — это был тот самый толстяк, что заводил толпу.

Толстяк на ломаном китайском произнес:

— Брат, ты был крут.

Чжан Вэйдун отчетливо, по слогам ответил:

— Толстый, у тебя изо рта воняет.

Ночь была глубокой.

В три часа ночи неоновые огни барной улицы всё еще сияли, но шум и суета уже утихли.

Даху с футляром за спиной, закутанный в кремовый шарф, стоял на обочине, засунув одну руку в карман, а в другой держа сигарету. Он не спеша выпускал дым в холодный ветер, затем раздавил окурок подошвой и направился к круглосуточному магазину на другой стороне улицы.

Чжан Вэйдун сидел за маленьким круглым столиком в углу магазина. Перед ним стояла лапша быстрого приготовления, порция карри с рыбными шариками и банка пива Циндао. Он с аппетитом ел пластиковой вилкой. Увидев, что кто-то подошел, он мельком взглянул на гостя, затем отвернулся, достал из холодильника за спиной еще одну банку пива и поставил на стол.

Даху сел, положил футляр на колени и уверенно сказал:

— Дунцзы, ты точно станешь звездой.

Чжан Вэйдун лишь приподнял веки, взглянув на него, и молча продолжил есть лапшу.

— Правда, я серьезно! — Даху потер лицо, не в силах скрыть волнение. — Ты впервые выступал в баре, тебя никто не знал, никто не слышал, как ты поешь, но ты полностью их покори! Они сами начали отбивать ритм. Это невероятно, ты хоть понимаешь, что это значит?

Чжан Вэйдун отпил бульон из пластикового стаканчика и спросил:

— Ты не голоден?

Даху, обезоруженный его спокойствием, недовольно буркнул:

— Я тебя хвалю, не мог бы ты хоть как-то отреагировать?

— Не нужно меня хвалить. Я знаю, чего стою.

— Ладно, но я все равно скажу: ты был чертовски хорош. Ты контролировал не только сцену, но и весь зал! Я давно так не отрывался, хотелось разнести там всё к чертям! — Даху все еще находился под впечатлением.

Наевшись, Чжан Вэйдун закурил и задумчиво произнес:

— Жаль, что Сяоху не было с нами.

Даху замер и тихо ответил:

— Да. Если бы он был жив, мы бы исполнили нашу старую мечту — выступили бы вместе.

Он посмотрел на Чжан Вэйдуна, собираясь что-то добавить, но передумал и сменил тему:

— Нелегко тебе пришлось за эти годы, верно?

Чжан Вэйдун сухо ответил:

— Нормально.

Даху кивнул, открыл пиво, сделал глоток и больше не расспрашивал.

В песнях Чжан Вэйдуна он слышал слишком многое.

В отличие от наивного и безрассудного парня десятилетней давности, нынешний Чжан Вэйдун — и как человек, и как артист — стал гораздо зрелее. В каждой строчке сквозило глубокое осознание и горечь прожитых лет, но больше всего цепляло то самое противоречивое чувство борьбы и подавленности.

Даху достал пачку сигарет, открыл ее, вытянул тонкую самокрутку с марихуаной и протянул другу:

— На, затянись. Отметим наше выступление.

Чжан Вэйдун покачал головой:

— Поздно уже, мне пора.

— Черт, а кто учил меня курить эту дрянь? — Даху затянулся и добавил: — Дунцзы, только не вздумай сдаваться. Я аккомпанировал многим профессионалам, ты ничем не хуже их. Станешь знаменитым — не забудь про меня, ха-ха!

Чжан Вэйдун усмехнулся, хотя на душе было горько. Он притворился, что ему все равно:

— Договорились. Только если не выгорит, не обессудь.

Попрощавшись с Даху, он поймал такси и через весь Гуанчжоу вернулся из шумного барного квартала в престижный жилой район.

Чжан Вэйдун жил в одной из квартир в высотке для богачей. Квартира была небольшой, окнами на север, с широким панорамным видом. Он прожил здесь два года, но так и не почувствовал себя как дома. Для него это было лишь служебное жилье, предоставленное «кем-то».

Войдя в квартиру, он включил свет, переобулся в мягкие тапочки и прошел в гостиную, где увидел мужчину, сидевшего в кресле.

Чжан Вэйдун замешкался, но решил проигнорировать гостя — он был слишком утомлен, чтобы тратить силы на Сяо Цзюньгу.

Он молча прошел в спальню, затем в ванную, почистил зубы, умылся и переоделся. Когда он вышел, Сяо Цзюньгу все еще сидел в гостиной, только сменил позу, и в руке у него дымилась сигарета. То ли из-за освещения, то ли это было наваждение, но глаза Сяо Цзюньгу показались Чжан Вэйдуну бездонными.

Они молча смотрели друг на друга, пока Сяо Цзюньгу не нарушил тишину:

— Ты ужинал? — Не дождавшись ответа, он встал, взял пиджак и добавил: — Отдыхай. Спокойной ночи.

Чжан Вэйдун смотрел, как тот открывает дверь и уходит, и невольно нахмурился.

Поведение Сяо Цзюньгу было странным. Он не стал ругать его за исчезновение, не стал допрашивать, где тот был. Слишком странно.

Впрочем, Чжан Вэйдун не придавал этому значения. Меньше всего на свете он хотел тратить энергию на Сяо Цзюньгу.

К его удивлению, он отлично выспался и проснулся только к вечеру следующего дня. Никто не звонил и не требовал возвращаться к работе.

Чжан Вэйдун даже не подозревал, что в компании разразился скандал.

Кто-то снял его выступление в баре на телефон и выложил в сеть. Видео набрало огромное количество просмотров. Оно было четким: каждое слово, каждая спетая строчка — всё было записано и разошлось по крупнейшим видеохостингам.

Меньше чем за два дня количество просмотров исчислялось сотнями тысяч.

Комментарии пестрели похвалой: люди восхищались Чжан Вэйдуном, гордились тем, что он постоял за честь китайцев.

Но из-за этого всплыл факт нарушения контракта.

В компании только и говорили об этом, делая ставки: выгородит его Сяо Цзюньгу или сурово накажет.

До Чжан Вэйдуна доходили эти слухи, и на душе было скверно.

Никто не обсуждал его талант — всех интересовали лишь сплетни. Благодаря Сяо Цзюньгу ему придется приложить вдвое больше усилий, чтобы получить признание. Чжан Вэйдун не боялся работы, он боялся, что его силы уйдут впустую.

Глава 14: Ущерб (Часть 1)

В кабинете генерального директора Чжоу Ли, одетая в строгий черный костюм, стояла за спиной Сяо Цзюньгу, скрестив руки на груди.

Сяо Цзюньгу, не снимая очков, внимательно смотрел на экран компьютера, где воспроизводилось видео с сайта Youku.

Чжоу Ли уже видела его, но, глядя снова, не удержалась:

— Босс, это так неожиданно. Если бы это был не Чжан Вэйдун, я бы преследовала его до края света, лишь бы подписать контракт.

Сяо Цзюньгу, не отрывая взгляда от экрана, поддразнил ее:

— А кто это говорил, что больше не будет работать с новичками?

Чжоу Ли смутилась. В свое время назначение ее агентом Чжан Вэйдуна было приказом, который она не могла ослушаться. Она вскинула подбородок, возвращая себе профессиональный вид, и едва заметно улыбнулась:

— Это потому, что раньше не было новичков, ради которых стоило бы стараться.

Сяо Цзюньгу тихо рассмеялся.

В его смехе Чжоу Ли уловила нотки гордости, поэтому сделала шаг вперед, чтобы лучше рассмотреть его лицо. Уголки глаз Сяо Цзюньгу были приподняты, он явно был в хорошем

настроении.

Когда видео закончилось, Чжоу Ли решила воспользоваться моментом:

— Босс, я думаю...

Сяо Цзюньгу откинулся на спинку кресла и не спеша прервал ее:

— С сегодняшнего дня Чжан Вэйдун отстраняется от любой работы за нарушение контракта. Он будет нести дисциплинарное наказание. Чжоу Ли, сходи в административный отдел, пусть оформят уведомление.

Чжоу Ли остолбенела. Она долго смотрела на Сяо Цзюньгу, прежде чем тихо ответить:

— Поняла.

Через пять минут, закрыв за собой дверь, она вспоминала холодное, отстраненное лицо Сяо Цзюньгу, и на душе у нее было тяжело.

Он специально отправил ее туда, чтобы ясно дать понять: не смей проявлять самостоятельность!

Теперь она наконец поняла, почему Чжан Вэйдун вечно ходит подавленным. Кто угодно на его месте чувствовал бы себя униженным.

В шоу-бизнесе каждый мечтает о славе. Если у тебя нет таланта — это одно, но когда ты способен на многое, а тебе не дают шанса — это сводит с ума. Идя в административный отдел, Чжоу Ли невольно вздыхала: редкий талант, а такая невезуха.

Получив уведомление, Чжан Вэйдун долго молчал, а потом выдал лишь одно слово:

— Черт!

Его отстранили, но не дали покоя. Сяо Цзюньгу нанял инструкторов по актерскому мастерству, этикету и танцам — всё что угодно, только не музыка. Чжан Вэйдун смирился: в свободное время играл в игры, на занятиях дремал. А что еще оставалось?

Дни без музыки ничем не отличались от того, что было до отстранения — просто бессмысленное существование.

Но после звонка Даху настроение стало совсем иным.

— Ты кому-то дорогу перешел? — спрашивал Даху. — Только набрал популярность, и сразу в «заморозку». В интернете каждый день что-то новое, скоро о тебе все забудут. Это же подлый трюк!

Чжан Вэйдун ответил с досадой:

— В конце концов, я нарушил контракт.

— Чушь! Ты что, не понимаешь? Ты не нанес ущерба компании, сэкономил ресурсы, сам заработал имя — компания должна быть счастлива! В крайнем случае, можно было ограничиться предупреждением. Но сейчас? Они явно хотят тебя уничтожить, не дать тебе ни

единого шанса!

Чжан Вэйдун понимал это, но не был дураком — он просто старался не вдумываться в происходящее.

Однако после слов Даху всё стало до боли очевидным. Факты были обнажены: нарушил он контракт или нет, доступа к музыке у него не будет. Это была правда.

Чжан Вэйдун закрыл глаза и услышал, как внутри него капает кровь: кап-кап...

На следующий день Чжан Вэйдун, полный ярости, оттолкнул секретаршу и ворвался в кабинет.

Он уперся руками в стол, подался вперед и прорычал:

— Сяо Цзюньгу, что это значит?!

Сяо Цзюньгу, не спеша подписав последний документ, открыл ящик стола, шлепнул перед ним бумагу и холодно произвел:

— Ты читать не умеешь? Совсем распустился, врываешься без доклада. Что за манеры?

Чжан Вэйдун смахнул со стола бумаги и указал на людей за спиной:

— Я спрашиваю, что это за цирк? Даже в туалет теперь с хвостом ходить? Черт возьми! Ты держишь меня за преступника?

За его спиной застыли двое телохранителей, похожих на статуи: в черном, высокие, крепкие, с каменными лицами.

Сяо Цзюньгу поднял взгляд на охрану и растерянную секретаршу:

— Выйдите.

Те, кого Чжан Вэйдун не мог выгнать, мгновенно ретировались.

Чжан Вэйдун сдерживал гнев, ожидая объяснений, но Сяо Цзюньгу лишь начал печатать на клавиатуре, делая вид, что его не существует.

— Сяо Цзюньгу! — Чжан Вэйдун изо всех сил дернул монитор вместе с проводами и швырнул его в книжный шкаф. — Чего ты хочешь? Говори! Чего ты добиваешься? Хочешь довести меня до смерти?!

Сяо Цзюньгу остановился, снял очки и потер переносицу:

— Не кипятись. Сядь, поговорим. Чаю хочешь?

Чжан Вэйдун был поражен этим человеком. Он не знал, что с ним делать, тяжело рухнул в кресло, дернул за воротник рубашки и часто задышал. Увидев, что тот послушался, Сяо Цзюньгу взял белую фарфоровую чашку, проверил температуру и пододвинул ее Чжан Вэйдуну, словно капризному ребенку.

В кабинете воцарилась тишина.

Чжан Вэйдун через джинсы сжал пальцы на коленях:

— Сяо Цзюньгу, ответь на один вопрос: ты уберешь этих людей или нет?

— Нет. — Сяо Цзюньгу помолчал и прямо посмотрел на него: — Ты нарушил правила игры, теперь здесь команду я.

Чжан Вэйдун был так зол, что не мог вымолвить ни слова. Ненависть закипала внутри, каждая жилка была натянута, лицо исказилось. Внутри кричал голос: «Убей! Убей его! Убей этого человека!»

Чжан Вэйдун поднес дрожащий кулак ко рту и впился в него зубами!

Он закрыл глаза, пытаясь убедить себя: «Не делай глупостей. Он не стоит того, чтобы губить себя из-за такого ничтожества».

Разум боролся с чувствами. Чжан Вэйдун сжимал челюсти всё сильнее, пока белые зубы не окрасились кровью.

Сяо Цзюньгу помрачнел, схватил его за запястье и жестко произнес:

— Разожми зубы!

Чжан Вэйдун сглотнул соленую жидкость, что немного охладило его ярость, и разжал челюсти.

Он чувствовал себя добычей в клетке. Он всегда был в клетке, но Сяо Цзюньгу сузил ее до предела, не давая даже развернуться. Как же это невыносимо! Зная, что Сяо Цзюньгу наказывает его, чтобы проучить, он был бессилен.

Это был метод Сяо Цзюньгу: ему не нужно было ничего говорить, окружающие сами понимали его намерения.

Чжан Вэйдун, охваченный отчаянием, встал и, не глядя на Сяо Цзюньгу, развернулся.

— Дунцзы, — позвал Сяо Цзюньгу, — у меня через полчаса конец рабочего дня. Поужинаем вместе.

Чжан Вэйдун обернулся и свирепо посмотрел на него:

— Не пойду...

Его голос оборвался, когда он увидел, что Сяо Цзюньгу указывает пальцем на календарь — сегодня пятница!

Дата была обведена красной ручкой. Чжан Вэйдун смотрел на нее с ужасом, словно на петлю, затянутую у него на шее.

Через мгновение Сяо Цзюньгу позвонил секретарю, чтобы принесли аптечку, усадил Чжан Вэйдуна на диван и, присев рядом, начал обрабатывать рану. Чжан Вэйдун охватил страх: почему Сяо Цзюньгу так выделил этот день? О чем он думал, когда обводил его?

Чжан Вэйдун опустил взгляд на лицо мужчины, который был так сосредоточен на перевязке, и сердце его сжалось от тревоги.

Чжан Вэйдун думал, что они пойдут в какой-нибудь дорогой и тихий ресторан, как обычно, но Сяо Цзюньгу сделал исключение.

Он стоял на улице в Чэнчжунцунь, перед обшарпанной забегаловкой, где было полно народу.

В этот миг он словно переместился во времени: жирные столы, низкие деревянные табуреты, витрина, забитая говяжьими потрохами, запах, от которого текли слюнки — всё это казалось сном, возвращающим его в студенческие годы.

Хозяйка была такой же пухлой и добродушной, только в волосах прибавилось седины, а на лице — морщин.

Сяо Цзюньгу взглянул на меню на стене и с улыбкой спросил:

— Что будешь? Как обычно?

Чжан Вэйдун молча кивнул, с ностальгией оглядываясь по сторонам и на время спрятав колючки.

Сяо Цзюньгу поднял подбородок:

— Две порции супа с рисовой лапшой и говяжьими потрохами, большие. Масла поменьше, без зеленого лука.

Хозяйка быстро записала заказ, мельком взглянула на двух мужчин в дорогой одежде и вернулась к кассе.

Рядом была старшая школа, и через нее проходили тысячи учеников, поэтому хозяйка их уже не помнила.

Лапшу быстро подали. Миски были огромными, выглядело всё так же неаппетитно, белая лапша свисала с краев, капая бульоном. Сяо Цзюньгу взял палочки, переложил всю говяжью жилку из своей миски в миску Чжан Вэйдуна, а у того забрал рубец — он знал, что Чжан Вэйдун не любит его из-за резкого запаха.

Они сидели друг напротив друга, уплетая еду — в конце концов, суп с лапшой не предполагает светских манер.

Удивительно, но они закончили трапезу без единого слова ссоры, отчего Сяо Цзюньгу, вытирая рот, горько усмехнулся.

Зимой темнеет рано, не успели они оглянуться, как наступила ночь.

По дороге домой Чжан Вэйдун смотрел в окно на проплывающие мимо пейзажи, не в силах оторвать взгляд.

Когда-то он из кожи вон лез, чтобы выбраться из Чэнчжунцунь, вырваться из нищеты и оков обыденности, чтобы расправить крылья.

Но теперь он чувствовал себя глупцом. Если бы не эти заоблачные мечты, если бы он довольствовался малым, возможно, был бы счастливее.

Но он не мог смириться. Даже сейчас он не мог смириться!

Глава 15: Ущерб (Часть 2)

Сяо Цзюньгу закрыл окно машины, включил печку и поставил блюзовый диск, мягко произнеся:

— Если тебе нравится, мы можем приходить сюда в любое время.

Чжан Вэйдун отвернулся:

— Не надо. Я не хочу хранить воспоминания, связанные с тобой. Тошнит.

Сяо Цзюньгу промолчал, сосредоточившись на дороге, но лицо его застыло.

Вернувшись домой, они по очереди пошли в ванную.

<http://bllate.org/book/20766/2083746>